

Александра **ЗАЙЦЕВА**

*

Красного дерматина
семьдесят семь неудобных стульев
в зале районного
дома культуры,
семьдесят два – пусты,
лес за правой стеной,
за левой –
другая планета,
ступай туда,
где нет ничего,
кроме белого снега
и белого неба,
где пахнет
надеждой
и дымом,
и фиолетовый пёс
бежит за
девочкой
с шариком
синим,
семьдесят семь

старых стульев,
семьдесят три –
пусты,
в кадках деревянных
цветы,
танцы каждый четверг,
по воскресеньям –
кино,
вот ещё трое
встали и
ушли,
и ты,
животом
прижимаясь
к жёлтому боку фоно,
дышишь музыкой,
которая стихла
давно.

*

Светловолосый мальчик,
спрячь нас в синем
снежном шаре,
поставь на
книжную полку
у окна.

Будет скучно –
подними поутру шторы,
старую заведи пластинку,
потряси наш мирок,
и увидишь,
как начинается пурга.
Маленький человечек
живёт в домике с красной крышей,
играет на белой дудочке,
глядит на летящие блёстки,
и никогда
не проходит
зима.

**Светловолосый мальчик,
смотри, какая счастливая девочка
стоит посреди снега,
задрав голову к стеклянному небу,
смотрит тебе
в глаза.**

**Светловолосый мальчик,
сделай погромче музыку,
сделай погромче
свою прекрасную музыку,
и мы услышим,
как наступает
огромная, вечная,
органный
тишина.**

*

**Большое небо
пахнет чёрной смородиной
спелых звёзд,
поезд идёт по взморью.**

**– Смотри,
это Кассиопея,
мой Валентин.
– Смотри,
это Андромеда,
моя Валентина.**

**Море в начале пяти
будет ласковым,
как молоко,
влажные кудри твои
станут рыжими
в зелёном
утреннем свете.**

**– Хорошо ли тебе,
мой Валентин?
– Хорошо ли тебе,
моя Валентина?**

**На синей гальке
не останется наших следов,
чайки вздрогнут
и возьмут
немного правее...
– Три четверти века,
задравши головы,
глазеть на божьи пригоршни,
полные ягод,
это ли не здорово,
мой Валентин, это ли не здорово?
– Твоих веснушек
я не успел сосчитать,
их оказалось больше,
чем было отпущено времени,
море застилает
глаза.**

**– Я так счастлива,
мой Валентин.
– Я так счастлив,
моя Валентина.**

*

**Свет мой, настанет день,
и я буду знать все языки,
и буду жить во всех городах,
на всех улицах,
и в этой пыли
в низком
вечернем луче.
Свет мой, свет,
настанет счастливое время,
и я буду качать на руках Землю,
и я буду всякой простой мелочью,
и я стану каждой тонкой веточкой
и каждой правдой стану,
и каждой ракушкой,
и каждой ленточкой,
на память повязанной
в самых любимых местах.**

Свет мой,
я буду петь
всю лучшую музыку,
я обниму все дома красивые
и буду сидеть
на солнечном подоконнике
где-то в Берлине и Праге
и гладить кота рыжего
на пороге старого
томского дома
с резными ставнями,
любить камни,
морем облизанные,
и каждую запятую
масляного
мазка.

*

Рижский чемодан потертый,
с газеткой на дне –
воскресенье
июля двадцатого числа
года 86-го.
Я возьму с собой мишку
с оторванной лапой,
зайца промокшего
и кота
с бумажными глазами,
с усами
из лески,
смешного
такого...
Все резервы – в дело,
Горбачев и Тёрнер,
президент Мали,
декларация о
дальнейшей дружбе
и любви,

памятник
Саманте Смит,
редкий случай
в городке
Кокси-Уик,
на берегах Потомака
сходка,
чудесная ленинская
на Алтае находка,
пыль болезненная
старых слов –
дружба, детство,
любовь.
Днем включи
вторую программу:
мультфильм в одиннадцать
тридцать
и «Лесная радиогазета»
в три ноль-ноль.
Нам уже не остановиться,
не стыдись утирать
с лица соль,
я соберу свои вещи
и тоже заплачу,
сведи за наклоном букв
в прописи,
не обижай маленьких,
не подходи
к этой пропасти,
для коллекционеров
пластинок
не пропусти передачу.
«Падает снег на пляж,
и кружатся
листья...»
Собери игрушки,
перед сном
не забудь
умыться.